

Стратегическое планирование в управлении конфликтными процессами: перспективы эпистемологического подхода

Кабылинский Борис Васильевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Старший преподаватель кафедры государственной политики и государственного управления
boris_kabylinский@mail.ru

РЕФЕРАТ

Насущная необходимость управления конфликтными процессами в коммерческих организациях и государственных структурах подразумевает востребованность практико-ориентированных исследований в сфере конфликт-менеджмента. Прикладная деятельность по управлению конфликтными процессами в современной России признается актуальной практически повсеместно — как в государственном управлении, так и в бизнесе, но при этом многие ее теоретико-методологические аспекты требуют уточнения и детализации. Сформированный в рамках конфликт-менеджмента эвристический ресурс не позволяет осуществить переход к стратегическому мышлению в управлении конфликтными процессами. При этом стратегическое планирование в сфере государственного управления должно учитывать динамично изменяющийся формат внутривластных и международных вызовов, с которыми столкнулось российское государство в XXI в. В статье предложено использовать возможности новой теоретико-методологической основы управления конфликтными процессами с целью адаптации теории конфликта под соответствующие наработки в области стратегического менеджмента на основе эпистемологического подхода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

конфликт-менеджмент, стратегическое планирование, эпистемологический подход

Kabylinский B. V.

Strategic Planning in Conflict Management: Epistemological Potential

Kabylinский Boris Vasilievich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Senior lecturer of the department of state policy and public administration
boris_kabylinский@mail.ru

ABSTRACT

The urgent need to manage conflict processes effectively in the commercial organizations and government institutions means high demand of the practically focused researches in the sphere of conflict management. Applied activities of managing conflict processes in modern Russia are considered as actual practically everywhere — both in public administration and business, but thus many methodological aspects demand specification and concretization. It should be noted that the heuristic resource created within conflict management doesn't allow transition to strategic thinking in management of conflict processes. Thus strategic planning in the sphere of public administration has to consider dynamically changing format of internal political and international calls which the Russian State in the XXI century has faced. Author offers to use possibilities scientific-theoretical, and practical point of view it is absolutely necessary to investigate possibilities of new methodological basis of managing conflict processes of epistemological approach for adaptation of the conflict theory to corresponding practices in the field of strategic management.

KEYWORDS

conflict management, strategic planning, epistemological approach

Насущная необходимость управления конфликтными процессами в организациях подразумевает востребованность практико-ориентированных исследований в сфере конфликт-менеджмента. Необходимо признать, что прикладная деятельность по управлению конфликтными процессами в современной России, хотя и признается актуальной практически повсеместно — как в государственном управлении, так и в бизнесе, но при этом многие теоретико-методологические ее аспекты требуют уточнения и детализации.

Стратегическое планирование в управлении конфликтными процессами представляется уместным определить как в высокой степени актуальную тему. Несомненно, что в российской и зарубежной науке накоплен существенный объем знаний по вопросам стратегического планирования и регулирующего воздействия на конфликтные ситуации. Вместе с тем возможность создания комплексной парадигмы, интегрирующей в единую структуру знания эти феномены, еще только предстоит исследовать с научной точки зрения.

Вполне логично, что стратегическое планирование *a priori* подразумевает долгосрочность и относительно высокую степень достоверности прогнозирования. Приходится констатировать, что сформированный в рамках конфликт-менеджмента эвристический ресурс не позволяет осуществить переход к стратегическому мышлению в управлении конфликтными процессами [2, с. 15–19]. Проблемное поле в данной области знания, по сути, сводится к двум основным противоречиям.

Во-первых, теория конфликта оперирует преимущественно бинарными взаимоотношениями двух антагонистически настроенных субъектов, но не сложноставных структур. Оправданность такого подхода становится очевидна, когда проводятся переговоры или медиация, в которых принимает участие ограниченное число сторон. Однако пока что не создано альтернативной методологии, пригодной для анализа случаев, когда конфликтуют политические партии, государственные институты, международные организации: фактически происходит подмена субъективных впечатлений сингулярных конфликтующих Я усредненными значениями, полученными, например, по результатам социологических исследований [3, с. 29]. При этом не принимается во внимание тот факт, что одна из сторон может считать конфликт разрешенным, в то время как для другого участника конфликта ситуация представляется диаметрально противоположной, вследствие этого результаты конфликтологического анализа зачастую не только антиномичны, но и малоприменимы для стратегического мышления, ориентированного на всесторонний и долгосрочный учет позиций как государственных институтов, так и бизнес-структур, вовлеченных в процесс управления конфликтом.

Во-вторых, в теории конфликта сохраняется неясность относительно базовых понятий: «инструмент», «метод», «технология», «средство разрешения конфликтов». В современной теории конфликта термин «средство разрешения конфликтов» практически не используется. Вместо этого употребляется в синонимичном значении понятие «инструмент», вспомогательное по отношению к «методу разрешения конфликтов» — порядку применения соответствующего инструментария с целью снятия актуализировавшегося противоречия. В свою очередь инструментарий — это определенные ресурсы материальной или нематериальной природы, меры, правила, умения. Такая постановка вопроса практически не оспаривается и сохраняет свою актуальность во всех отраслях данной дисциплины научного знания. Здесь необходимо отметить, что единственная переменная, не являющаяся константой в этой системе, это степень проработки и детальность изучения того или иного метода.

Так, в юридической конфликтологии больше внимания уделяется посредничеству и арбитражированию, психология конфликта ориентирована на использование мирных методик разрешения споров, в рамках международной конфликтологии по сей день

сохраняют важное значение силовые механизмы подавления конфликтности. Необходимо отметить, что термин «технология разрешения конфликтов» фактически, хотя и введен в научный оборот, но мало чем отличается от понятия «метод конфликто разрешения» [1, с. 88–93], которых традиционно выделяется три: сила, переговоры и посредничество. Такой подход с точки зрения методологии становится противоречивым, если в ходе анализа конфликтной ситуации возникает необходимость однозначно определить, каким именно методом был разрешен тот или иной конфликт.

В постоянно усложняющемся дискурсе три основных метода конфликто разрешения нельзя зафиксировать даже в их поочередном применении: в рамках силового метода все чаще начинает активно применяться мирный инструментарий; переговоры, напротив, часто приводят к успеху сторон, исповедующих силовую линию поведения, в то время как инструментарий посредничества подразумевает сочетание силовых и мирных методик. Также совершенно непонятно, к какому методу относится концепция «мягкой силы», психологические манипуляции на переговорах, в то время как такие актуальные возможности управления конфликтом, как информационные войны и «цветные» революции, фактически оказываются за рамками исследуемого предметного поля.

Кроме того, ряд понятий не представляется возможным определить в принципе, например, до сих пор не прояснено, что именно означает термин «технология разрешения конфликтов». В современной практике становится более реальным осуществлять эффективное управление конфликтами, поскольку применяемые инструментарии совершенствуются и взаимно обогащаются, но научное познание того, «как» разрешается конфликт и, соответственно, «что» он есть, от очевидной ясности все больше удаляется в направлении *terra incognita*. Очевидно, что для практического конфликт-менеджмента не представляется проблематичным варьировать инструментарий трех основных методов и использовать новейшие технологии с целью эффективного разрешения конфликтных ситуаций.

Однако для теории конфликта такое положение дел уже означает затруднительность построения актуальных классификаций способов разрешения конфликтов и в перспективе — утрату способности научного осмысления природы конфликтных процессов. В итоге теория конфликта на сегодняшний день вынуждена либо ограничивать собственное предметное поле, либо свидетельствовать о разрешении каждого конфликта с помощью сингулярных утверждений. Иными словами, возникает неясность по поводу того, каким образом следует разрешать конфликт, что весьма проблематично для стратегического мышления, поскольку поиск ответа на вопрос «как?» является предназначением любой стратегии.

Какую пользу может принести эпистемологический подход, если целью является синтез стратегического планирования и конфликт-менеджмента в единую парадигму? Прежде всего необходимо отметить, что, по замечанию Ю. Хабермаса, сам термин «эпистема» задает для науки непревзойденные горизонты для конструирования базовых концепций [4, с. 2]. Из числа интерпретаций этого термина остановимся на варианте, предложенном М. Фуко. Этот автор в своей работе «Слова и вещи» свидетельствует, что в эпистеме «познания, рассматриваемые вне всякого критерия их рациональной ценности или объективности их форм, утверждают свою позитивность и обнаруживают, таким образом, историю, являющуюся не историей их нарастающего совершенствования, а, скорее, историей условий их возможности; то, что должно выявиться в ходе изложения, это появляющиеся в пространстве знания конфигурации, обусловившие всевозможные формы эмпирического познания» [4, с. 18].

Иными словами, здесь идет речь о том, что способ мышления в рамках исторического периода претерпевает изменения и начинает отличаться в плане сво-

ей структуры от предшествующих этапов. Соответственно, формируемые принципы упорядочения знания предстают в виде определенной системы или эпистемологической сети. Такая структура, характерная для современной эпохи, весьма удобна для экстраполирования принципов стратегического планирования на теорию конфликта ввиду такого свойства, как упорядоченность и многовариантность собственной структуры. Ясность по поводу базовых категорий (структура знания конституируется методом, инструментом и с определенного этапа — технологией разрешения конфликтов, в зависимости от конкретной исторической эпохи) дополняется интеграцией в систему знания вспомогательных установок, прежде всего аксиоматических.

В ходе разрешения конфликта субъект всегда стремится воспроизвести определенную ценность. Регулирующее воздействие на конфликт, как правило, осуществляется с целью радикального или минимально необходимого преобразования системы ценностей участников конфликта в соответствии с собственной системой ценностей, являющейся, по мнению оказывающего воздействие субъекта, лучшей и наиболее совершенной. Ценности, как правило, характеризуются долгосрочностью и могут учитываться при организации стратегического планирования. При этом важнейшим элементом эпистемологической структуры являются научные интерпретации практического опыта конфликторазрешения и соответствующие сценарии ликвидации конфликтных ситуаций, что также представляется полезным в рамках соответствующего стратегического планирования. В результате мы можем синтезировать такой термин, как эпистемологическая программа разрешения конфликтов, которые существуют не в виде статичных понятий, но в определенной динамике. Они суть определенные алгоритмы, сценарии, в рамках которых проявляет себя субъект, нацеленный на реализацию своего знания о том, каким должно быть снятое конфликтное взаимодействие.

Успех этих сценариев, что является nonsensом для теории конфликта, начинает зависеть от личностных свойств субъекта, а не фиксированных данностей наподобие национального характера, классовой принадлежности и т. п. Научная полезность такого видения сути вопроса состоит в следующем. Во-первых, деятельность по разрешению конфликтов онтологически фундируется. Во-вторых, культура из пассивной данности становится создаваемой активным субъектом, причем это взаимоотношение существует в обратной пропорции. В-третьих, теория конфликта отходит от деперсонифицированных установок к антропологии, поскольку знание, навыки, искусство перестают быть периферийными категориями и обретают решающее значение.

В заключение необходимо отметить, что полезность эпистемологического подхода для теоретико-методологической оценки перспектив корреляции стратегического планирования и конфликт-менеджмента представляется особенно важной в текущих социально-политических реалиях. Следуя данной методологии, мы приходим к выводу о том, что разрешение конфликтов в современной эпистеме дуалистическое и нередко имеет дело с отрицанием тех ценностей, реализацию которых оно призвано обеспечивать. Руководствуясь аккумулятивным в этот период знанием о конфликте, субъект испытывает глубочайшее отчуждение от самого себя, общества, семьи. Бюрократический аппарат государства во многом подавляет независимого индивида, контролирует процесс разрешения конфликтов и направляет их потенциал в определенное русло. Человек начинает испытывать экзистенциальную пустоту, которая искусственно заполняется псевдозначимыми ценностями.

Таким образом, принудительно формируется общество, в перспективе порождающее только управляемую конфликтность, соответствующую целям субъектов внешнего регулирующего воздействия на конфликтные ситуации. Западная демо-

кратическая культура признает справедливость принципа, согласно которому современные представительные демократии не воюют друг с другом. Такая установка означает, что достижение первичных целей эпистемологических программ разрешения конфликтов не представляется возможным с помощью инструментов прямого насилия. Точнее военная агрессия, спецоперации и террористические акты по-прежнему практикуются, но в качестве сервисного, вспомогательного инструментария.

Никто из потенциальных или активно конфликтующих сторон не должен действовать самостоятельно, все предопределяется заранее за счет таких искусственно прививаемых мотивирующих причин, как деидеологизация, идейный плюрализм, сбрасывание «балласта» ценностей, резкое повышение материальных запросов, в первую очередь среди элит, потеря управляемости экономикой, беспредел «демократических», якобы самостоятельных движений. Достижению этой цели служат так называемые технологии управления хаосом, суть которых состоит в разрушении субъектности развития страны и замедлении процессов инновационного развития. В современной России технологии управляемого хаоса, применяемые внешними и внутренними врагами нашей страны, маскируются под активность гражданского общества в сети Интернет на фоне отсутствия эффективной государственной информационной политики, четко очерченных целей и осмысленной доктрины национального российского телерадиовещания и печатных СМИ. В результате планомерного разрушения традиционного уклада и девальвации ценностей, особенно на виртуальном политическом пространстве, в России формируются специфические политические убеждения. По данным исследований общественного мнения, 8,2% российской молодежи делит окружающих на «своих» и «чужих», причем значительная часть молодежи без осуждения относится к асоциальным явлениям. Таким образом, в нашей стране постепенно возникает идеологический вакуум. Соответственно, возрастают риски трансформации структуры национальных экономических, политических, социально-культурных, информационно-психологических пространств участников политических отношений в соответствии с собственными принципами формирования информационно-политической картины мира; достижение военно-политического превосходства и безусловного лидерства в сфере международных отношений; достижение целей национальной экономической, идеологической, культурной, информационно-психологической экспансии и т. д.

Стратегическое планирование в сфере государственного управления должно учитывать динамично изменяющийся формат внутривнутриполитических и международных вызовов, с которыми столкнулось российское государство в XXI в. Очевидно, что как с научно-теоретической, так и практической точки зрения совершенно необходимо исследовать возможности новой теоретико-методологической основы управления конфликтными процессами с целью адаптации теории конфликта под соответствующие наработки в области стратегического менеджмента. В этом плане эпистемологический подход представляется вполне перспективным.

Литература

1. Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000.
2. Степанов Е. И. Современная конфликтология: общие подходы к моделированию, мониторингу и менеджменту социальных конфликтов. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
3. Стребков А. И. Социальная политика: теория и практика. СПб., 2000.
4. Foucault M. The order of things. London: Taylor and Francis e-Library, 2005. P. 2.

References

1. Soloviev A.I. *Politology: political theory, political technologies* [Politologiya: politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii].: M. Aspekt Press, 2000. (rus)
2. Stepanov E.I. *Modern conflictology: general approaches to modeling, monitoring and management of the social conflicts* [Sovremennaya konfliktologiya: obshchie podkhody k modelirovaniyu, monitoringu i menedzhmentu sotsial'nykh konfliktov]. M.: LKI publishing house [Izdatel'stvo LKI], 2008. (rus)
3. Strebkov A.I. *Social policy: theory and practice* [Sotsial'naya politika: teoriya i praktika]. SPb., 2000. (rus)
4. Foucault M. The order of things. London: Taylor and Francis e-Library, 2005. P. 2.